

ПРАВО НА РОЖДЕСТВЕНСКУЮ ЕЛКУ

Пермский театр «Век жизни» представил на сцене пьесу Николая Коляды «Попугай и веники», передав ее атмосферу и вызвав сопереживание зрителей.

Зима. Баня. Предновогодний день. В центре внимания три торговца. Мужик с бабой, продающие веники, и старуха, предлагающая проходим семечки, пальму, попугая и шарики на веревочке, просящая к тому же милостыню. 1990-е годы. Каждый выживает как может. Хоть товары и разные, но конкуренция присутствует. Бесконечная ругань, споры, кто кого перекричит, кто больше продаст, кто как живет и даже выкидывает мусор. Соседями по дому быть не легко, что уж говорить про общее место для торговли.

С этими героями приходит понимание уровня жизни таких людей, выкинутых на обочину жизни, которые волею судьбы вынуждены продавать товары, чтобы хоть как-то существовать. Рождественская тема, предновогодняя суета, но радостного мало в жизни и одинокой старухи, и семейной пары, мечтающей продать хоть один веник и купить ребенку конфетку на Новый год. Не волшебство, а печаль и сострадание испытываешь, глядя на сцену и пропуская

ИЗ ПЬЕСЫ НИКОЛАЯ КОЛЯДЫ «ПОПУГАЙ И ВЕНИКИ»

«... Пошли через дорогу, тащут за собой на саночках пальму, попугая, веники, семечки. Молчат, смотрят в землю.

БАБА. А что там написано-то было, я забыла?

СТАРУХА. Где?

БАБА. Да в этих листочках? Как-то так странное что-то, а? Дайте мне, я посмотрю, что там написано. Я почитаю хоть разик ещё.

СТАРУХА. Темно.

БАБА. А наизусть не помните?

СТАРУХА. Не помню.

БАБА. Надо вспомнить. Надо мне как-то вспомнить. Пойдите ... Пойдите. Я вспомнила! Я всё-всё вспомнила! Я всё, всё на белом свете вспомнила!!!! (Идут через дорогу,

через себя трагедию каждого героя.

Счастье этих людей заключается в новогодней елке, шарике для ребенка, чистой, теплой квартире и, конечно же, любви. В них еще жива надежда на новую жизнь и вера в то, что, затяжная черная полоса закончится и начнется новая – белая. «Скоро мы начнем новую жизнь. Совсем немножко осталось. У нас не будет ненависти в семье, мы будем любить друг друга, осталось совсем немного и начнем. Заново». В конце спектакля герои мирятся, садятся вместе, говоря о том, что надо идти готовиться к новому торжеству, ведь именно этим сейчас занимаются другие люди.

Это живой, в некоторых местах веселый, но при этом вызывающий сопереживание и сострадание спектакль. Все люди, даже такие несчастные, как они, заслуживают елку на Рождество и любовь в семье.

С первых минут спектакля актеры завоевывают внимание зрителей. Старые песни Вячеслава Добрынина «Все, что в жизни есть у меня» и Юрия Антонова «Без тебя, без твоей любви» выводят на новые эмоции. Декорации подвижны. Костюмы соответствуют эпохе. Спектакль вызывает и смех, и слезы. Это грустная и, в то же время, веселая история, призывающая к доброте и сопереживанию людям.

Елизавета Брызгалова

Баба бормочет.) Вот! Вот! «Не бойтесь умирать. Не верьте, что есть загробная жизнь. Её нет. Никто из нас не уйдёт на тот свет. Нет, мы останемся здесь, на этой земле, на нашей земле. Мы будем ходить по тем же улицам, жить, встречая тех же людей, будет то же небо, и те же звёзды, и та же луна. Неправда, что когда умирают, на небо уходят все люди, нет, неправда. Только сорок четыре тысячи человек уйдёт на небо, а мы с вами будем жить на этой земле, на нашей земле. Но наша жизнь станет другою: никто никогда не будет болеть, не будет страдания и насилия, никто не будет голодать, не будет войн, не будет злобы, лжи, подлости, ненависти, не будет зависти и жадности, немощи и уродства. Не бойтесь умирать, не бойтесь. Ведь вся земля, наша земля, будет преображена в подобный саду чудесный рай; люди и животные будут жить рядом, не боясь друг друга. Ни плача, ни слёз не будет на той земле, на нашей земле, и даже смерти не будет уже, потому что - все - люди - на - Земле ...»

Остановились, смотрят на небо. Молчат. Снег идёт на них, сыпется, засыпает. Идёт снег, попугай орёт, Баба плачет, Мужик где-то там далеко тоже плачет, а попугай куд-кудачет. Вернее, попугай кричит так, что машины проезжающие останавливаются, люди головы высовывают, думают что-то, а снег падает на них с деревьев. Баба сняла платок, клетку с попугаем укутала. Плачет Баба, плачет Старуха, плачут все прохожие-похожие, плачет попугай, плачет пальма, моется и плачет вся баня, вся Расея плачет, грязным кулаком вытирает слёзы и бормочет, бормочет в неистовом желании, чтоб было так, чтоб было “небо в алмазах”, но хоть говорит про алмазы уверенно, а уже, говоря, знает, что - не будет такого, никогда, никогда такого не будет, а всё равно говорит Расея, всё равно вся Расея верит, хотя знает, что никогда, никогда, никогда ...

СТАРУХА. Никогда ... Все - люди - на - Земле ...

БАБА. Никогда. Все люди на земле ... Ангел мой, лети за мной, а я за тобой ...

СТАРУХА. ... на Земле ...

БАБА. ... станут жить ... Ангел мой, лети за мной, а я за тобой ...

ВСЕ ПРОХОЖИЕ-ПОХОЖИЕ ГОВОРЯТ ГЛУХО, ГРОМКО: Станут жить ... Жить станут ... станут жить ... Ангел мой, лети за мной, а я за тобой ... Лети вечно ... будем жить вечно ... станем жить вечно ... небо в алмазах вечно ... вечно ... жить ... жить ... жить ... хоть как, но жить ... не вечно, но жить ... хоть как ... жить ...

Идёт снег, попугай орёт, Баба плачет, старуха плачет, а попугай куд-кудачет.

Нет, курица в сказке куд-кудачет, а баба и дед - плачут, потому что разбилось яичко ...»

АНДРЕЙ МОЛЯНОВ: «ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ У ЗРИТЕЛЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНЫ ОСТАВАТЬСЯ КАКИЕ-ТО ВОПРОСЫ»

Мы поговорили с режиссером и художественным руководителем Пермского театра «Век жизни» – Андреем Моляновым. Он рассказал нам о своем театре, вместе с ним вспомнили 1990-е годы и порассуждали, почему во всем мире любят российский театр. Актеры «Века жизни» сыграли спектакль по пьесе Николая Коляды «Попугай и веники».

– Ваш театр появился совсем недавно. Как возникла идея?

– К созданию своего театра я шел очень давно. В силу своей профессии. И дело не в том, что я подумал: я такой – супер-пуперский, сделаю театр. Нет, дело не в этом. Иногда, когда играешь в спектаклях, смотришь их, ты понимаешь вдруг: такая классная пьеса, зачем ее ставят так, можно же сделать по-другому. Ведь людям хочется прийти, посмотреть, где-то отдохнуть, где-то попереживать с актерами, отжаться происходящему на сцене, побыть там в данную секунду, здесь и сейчас, а не придумывать такие штуки, непонятно откуда взявшиеся в голове. Сейчас в театре такая тенденция пошла, и меня это стало несколько напрягать, потому что театр существует не для этого. Априори, я имею ввиду. Возможно, я человек консервативный, старой закваски и из-за этого мне хочется, чтобы был старый хороший добрый театр.

– Скажите, каким Вы видите театр?

– Я очень люблю классику. Такую, какая она есть. Я не придумываю ничего сногшибательного в ней. Сейчас уже никого не удивит Гамлетом в джинсах или берцах. Никого уже не поражает «Чайка», где Маша выходит вся в черном латексе. Получается, что в данный момент мы изгаляемся так, как мы хотим. Зачем? Туминас сказал гениальную вещь: «Берешь классику и ставишь ее так, как написал автор». А потом уже добавляй что-то. Ты вникни в это, поставь как написано. Наш театр стремится, чтобы все было красиво, и может, даже где-

то сказочно. Мне нравятся старые сказки, какие они были раньше, без современного интерактива.

Я очень хочу, чтобы наш театр соблюдал некие театральные традиции. Очень люблю Михаила Чехова. Все должно строиться по его актерской системе. Именно она формирует русский психологический театр – театр переживаний, что значит, прожить здесь и сейчас, уйти в персонажа. Я в жизни вообще не пью, но играя пьющего человека на сцене, стараюсь, чтобы зритель поверил, сопереживал мне, но это, наверное, и есть традиции нашего русского театра. Почему любят российский театр во всем мире? Потому что так существовать на сцене никто не умеет. За рубежом всегда говорят, что для них Станиславский и Чехов – боги. А у нас сейчас это как-то уходит.

– Вы выбрали пьесу «Попугай и веники» из-за любви к сказкам?

– Да, «Попугай и веники» я взял, потому что люблю сказки и то время, в которое происходит действие пьесы. 1990-е – это ужасные годы для России, и для меня тоже. Тогда мы работали в театре, и у нас не было зарплаты. Я получал ее макаронами, трехлитровыми банками растительного масла, коробками халвы. Но я вспоминаю сейчас это время с какой-то радостью. Мы собирались компаниями, приносили друг другу у кого что есть, и вместе сидели всю ночь, играли в «мафию», в «крокодила» – это было счастье. Сейчас ушло время таких дружеских посиделок. Сейчас всем надо куда-то бежать, зарабатывать деньги, кормить семью и так далее. Но забывать о таких вещах тоже нельзя...

– В чем главное отличие Вашей интерпретации пьесы Коляды от оригинала?

– Мы сохранили весь текст Николая Владимировича. Сразу все вместе поняли, что это наше. Мы поняли, что ничего не изменилось с тех пор. Так же и сейчас кто-то стоит, торгует.

Только мы живем в 21 веке, а не в 20-м. Сейчас у нас век сотовых телефонов, тогда этого не было, все только начиналось. Убрать телефоны, и все останется прежним.

Единственное, что мы изменили: у Николая Владимировича – попугай. У нас в спектакле человек-попугай, который замерзает. Это аллегория. Крик души всех героев. Попугай говорит то, о чем мы все хотим сказать друг другу, чтобы достучаться. Поняли это зрители или нет? Каждому в голову не залезешь. Не может быть идеальной публики у театра. Зритель должен быть разным, тогда и театр будет интересным. После спектакля у зрителя обязательно должны оставаться какие-то вопросы.

Беседовал Евгений Минин

На фото: сцена из спектакля «Попугай и веники»

КОНЕЧНО, ВСЕ УМЕРЛИ! И СЛАВА БОГУ!

Полиэтиленовые кулисы, усталый полиэтиленом пол. Гаснет свет, и из зала появляется девушка в спортивном костюме с ритуальным бубном. Звучит музыка, и полиэтилен на полу приходит в движение. Три жуткие черные фигуры медленно поднимаются и скрываются в глубине сцены.

Сын Латифы Марат стоит на крыльце с телефоном. А через пару минут появляется из «погребца» и сама Латифа. Герои обсуждают краденые деньги, похороненных заживо котят, погибших братьев Марата. В это время Латифа суетится по дому, собирает вещи сына, достает банку с соленьями откуда-то с чердака. Говорят просто, без обиняков, но сама беседа кажется непонятной. Причем тут котятка? Ну и что, что их четверо, как погибших братьев Марата? «Вода все равно всех заберет! Кого рекой не смоешь, того Шайтанка заберет», – говорит Латифа. И слова ее звучат как пророчество.

А вот и вечно живые старухи! Бегают по сцене, кричат, как чайки, на разные голоса, ящики переставляют. Что здесь происходит? А вот и Марат вернулся. В магазин за сигаретами пошел. «Ага, за сигаретами он пошел. К Римке просто пошел, как пить дать», – заключают неугомонные бабки. Что за Римка? Да которая жена брата Марата, четвертого сына Латифы. Если верить старухам, «на северах так блядовала», что мама не горюй, «вся грудь в орденах!» Но информация не подтвержденная. Бабки обещают выяснить.

Обычная деревенская жизнь. Все-все про всех все знают. Но везде какая-то мистика. Четыре погибших сына, проклятье, нож Латифы, воткнувший в дверной косяк, кричащие, как чайки,

старухи, которые называют Марата «пятым», легенда про утонувший золотой храм, сектанты... Что-то здесь не чисто.

Ночью кто-то разбивает окно в доме Латифы, а когда Марат выдергивает нож, появляются жуткие фигуры в полиэтилене. Это призраки. Пока трое, четвертый еще не упокоен, 40 дней не прошло. Как только Марат уходит, Латифа ругает своих зловещих гостей и прогоняет обратно в лес.

Марат тем временем ночью к Римке беспутной на свидание сбежал. Мать обманывает, бессовестный. Ну, ничего, скоро придет его «коллега» Саша деньги из него выколачивать. А вот и он! В майке, красных спортивных штанах, на крутой тачке, с битой в руках. Старух пытается запугать. А потом приходит к Латифе. А дальше...

Все герои не такие простые, какими кажутся на первый взгляд. У каждого будто два лица: реальное и мифическое. Латифа – мать пятерых сыновей и Мать, дающая жизнь и провожающая в последний путь своих детей. Старухи, которые собирают сплетни, но при этом живут вечно и напоминают и птиц, и хтонических божеств.

Трагикомедия перестает быть комедией. Спектакль становится все более серьезным и символическим. Мифологические мотивы связи с предками, матери-прародительницы, плавания в мир мертвых... Латифа нашла пятого сына в Саше и поплыла с ним к Полярной звезде, а Марат и Римма пытаются вернуться Домой. Конечно, все умерли! И слава Богу! Этим и должно было закончиться. Всех вода забрала. Потому что земля – не принимает грехи.

Артем Новоселов

НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ И ВЕРА В РЕЖИССЕРА

Надежда Александровна Суханова, исполнительница роли Латифы, на сцене уже больше 35 лет. К кому обращаться с вопросами, как не к ней?

– Надежда, поделитесь самым первым впечатлением от пьесы?

– Я сразу влюбилась в нее. Это потрясающе. Великая вселенская любовь! Любовь матери к детям, любовь мужчины к женщине, любовь к дому. Во всем любовь. И весь мир на ней держится. Не важно, любовь к Родине, к детям, к мужчине, к природе или к окружающей среде. Во

всем любовь! Вот у вас дома есть домашнее животное? «Люблю тебя, зайка моя!» – и вы домой рветесь, потому что там то, что вам дорого. Девушку любите? Маму любите? Кофе по утрам любите? Не будет любви, мир рухнет. Это тот столб, на котором все держится. А материнская любовь – вообще, святое, ведь с нее все начинается.

– И пьеса и спектакль такие мистические, в них много символов. А какой символ ключевой для Вашей героини?

– Молоко. Это жизнь, это кровь. Вот почему Латифа разливает его по стаканам и накрывает на четверых. А когда свет понемногу уходит, она чуть-чуть разливает в стаканы, а потом все сливает в банку. Потому что будет следующий, следующий...

– Удалось попробовать что-то новое в роли Латифы?

– В театре ничего нет нового. Сколько тысячелетий и столетий стоит мир, столько же существует и театр. Все уже перепробовано. Как говорил наш педагог: «Те же яйца,

только в профиль». (Смеется). Но я так скажу: любую роль создает режиссер, как Пигмалион свою Галатею. Скелет, мясо, все веночки и сосудики. Актеру остается только пустить кровь и вложить душу. И все оживет. 85 % успеха – это режиссер, 10 % – художник, и только 5 % – актер.

– Но ведь каждый актер «пускает кровь» по-своему, и душу вкладывает по-другому. Как же так?

– Хороший актер слушает режиссера. Раньше, после училища, когда я пришла в театр, думала: «А, ну говори-говори, все равно по-своему сделаю». Каждый актер видит только себя в спектакле. Теперь я всегда слушаю режиссера. Ведь только режиссер видит картину в целом. У нас в спектакле все играют хорошо, потому что шли у него «на привязи». Представьте себе, если в оркестре каждый будет играть, как ему захочется. Это что же тогда будет? Какофония, вот что! Вот почему нужно слушать режиссера. Тогда получится спектакль, и каждая актерская игра будет великолепной.

Беседовал Артем Новоселов

БЕСКОНЕЧНАЯ ЖИЗНЬ НА КИСЕЛЬНОМ БЕРЕГУ

Они приехали в гости, но такое чувство, что это мы у них в доме попиваем медовуху и вслушиваемся в непонятную, резвую башкирскую речь. Театр драмы им. М. Гафури из Уфы привез на «Коляда-Plays» спектакль по пьесе Ангизы Ишбулдиной «На кисельном берегу». Какие драмы скрыты здесь под маской комедии? Кто и зачем возвращается в умирающую глухую деревню?

Действие происходит в исчезающей деревне Балтирэк на берегу реки, через которую никак нельзя перебраться, кроме как на одной единственной лодке или вплавь. Главный герой – Урал Балтиряков сбегает из армии на родную землю. На его поиски отправляют сначала одного военного, второго, а потом и самого министра – все трое застревают на глухом берегу. Казалось бы, это может быть комедией положений: трое в форме бегают за парнем, который видел все «ужасы» армейки и до смерти теперь ее боится. Но здесь все гораздо глубже.

На сцене простая декорация без каких-либо претензий на артхаусность. Стол, символизирующий семейный очаг, где собирается вся деревня и ее гости, телеграфный столб – единственная «ниточка», соединяющая жителей с ТЕМ миром. В ходе спектакля она обрывается. Этой деревне и ее замкнутому на самом себе бытию никто не нужен. Круг жизни здесь бесконечен, поколения существуют рядом: столетние старики и новорожденные младенцы. Никто не хочет покидать глухой деревни, у которой, по сути, нет будущего – нет ничего, кроме сказочного покоя и магической природы.

Сцены плавно переходят одна в другую, что в первой, что во второй части спектакля. По мнению критиков, автор

пьесы Ангизы Ишбулдиной во втором акте пускается в слишком отрывистое и разрозненное повествование. Но в постановке Алмаса Амирова это совершенно не ощущается. Сцены скреплены между собой неслыханной красоты музыкальными номерами в живом исполнении актеров. Музыка – не просто фон, это тоже отдельная история. Песни несут чувство ностальгии по ушедшим в прошлое временам СССР, когда народ был един, и деревня была другой.

Актеры спектакля «На кисельном берегу» не просто играют материал, они вдыхают в него собственные чувства, что дает зрителям пищу для размышлений и вызывает собственные ассоциации. Завораживает невероятное обаяние актеров, несмотря на то, что они играют на не понятном большинству зрителей языке. Ты случайно попадаешь на эту «отшельническую» землю, но после пары сотейников медовухи тебе кажется, что ты понимаешь башкирский и спокойно можешь говорить на нем, как на родном языке. Точно такое же «преображение» происходит и с героями, которые попадают в Балтирэк с большой земли: раз не понимаешь, что тебе говорят, два не понимаешь, а на следующее утро после «знакомства» ты уже не хочешь, не можешь, да и не знаешь, как выбраться из этого водоворота, который тянет тебя в сладкую и красивую неизвестность. Обаяние – не только приятный бонус к отличной игре, но еще и некий прием, который говорит зрителю: «Смотри, здесь все условно, все конфликты решаемы, все проблемы надуманны. Есть только всеобщее единение и спокойствие души».

Мария Чулкова

АЛМАС АМИРОВ: «ИСТОРИЯ НАША, ДЕРЕВЕНСКАЯ»

На фото: режиссер Алмас Амиров

Пока театр балета «Щелкунчик» ждал гостей и критиков фестиваля «Коляда – Plays», мы поговорили с режиссером-постановщиком спектакля по пьесе Ангизы Ишбулдиной «На кисельном берегу» – народным артистом Башкортостана Алмасом Амировым.

– Пьеса Ангизы по сути отражает то, что сейчас происходит с деревнями: почти все они находятся на грани вымирания. Почему Вы выбрали для постановки эту драматургию, и какой смысл вложили в действие, которое происходит на сцене?

– Так получилось, что я стоял у истоков создания пьесы. Когда мы были на съемках, со мной произошла одна интересная история в далекой деревеньке в республике Башкортостан. Приехали в эту деревню «видавшие виды» два прапорщика. Надо сказать, что деревенька находится глубоко в тайге и туда почти невозможно проехать. Прапорщики – бывшие афганцы, с пистолетами приехали за парнем, который второй раз сбежал из армии. Они хотели скрутить этого пацана и увезти. Но они приехали и столкнулись с какой-то ненормальной, нечеловеческой гостеприимностью – медовуха, еда, напитки, разговоры. Это прямо у нас на глазах происходило, мы на съемках были и все видели. И как-то рано утром, около 5 часов, я вижу, как два прапорщика, переодетые в деревенскую одежду, вместе с отчимом пацана косят траву. В итоге они жили там три недели и никак не могли уехать, они потерялись во времени и пространстве.

– А почему так получилось? Как они так быстро «своими» стали?

– Особенная энергетика деревни повлияла, наверное. Эту историю я рассказывал очень много раз. Одна Ангиза откликнулась. Хотя хотели и фильмы снимать, и новеллы писать.

– То есть, пьеса «На кисельном берегу» написана по Вашей истории?

– Скажем так, для Ангизы она стала отправной точкой. Конечно, автор сделала ее так, как услышала, по-своему. Получилась хорошая, деревенская, веселая, добрая

история. И нам нельзя было не откликнуться на этот материал. Так как история наша, деревня наша, я попытался что-то сделать, именно не углубляя, не усложняя сюжет. Хотелось не испортить ее легкости, добавляя какие-то невероятные режиссерские ходы.

– Почему многих людей магически тянет в деревню?

– Мы выросли в беззаботном Советском Союзе. Были пионерами, жилось нам хорошо, весело. Пели песни у костра, и нам казалось, что у нас есть все! Особенно это понимаешь, когда окунаешься с головой в современный мир, где все основано на «купи-продай» и клиповом мышлении. Да, мы движемся вперед, но многие не выдерживают. Существует ностальгия «по хорошему» Советскому Союзу, и мы попытались связать темы так, чтобы изобразить деревню, будто она застряла во времени и пространстве.

– В спектакле много колоритных народных песен и вокала. Зачем?

– Мы хотели подобрать песни, которые двигали жизнь вперед даже в самые тяжелые времена. С этими песнями происходило все – и хорошее, и плохое.

– Что Вы думаете про современную уральскую драматургию?

– В ней нет никаких жестких канонов! Читаешь некоторые пьесы и поражаешься! Они больше похожи на киносценарии. И думаешь, как это ставить?! Это же нереально. Но, тем не менее, их ставят и здорово! Признаться честно, у нас тяжело со зрителем. Например, в репертуаре нашего театра есть спектакль «Антигона», он в прошлом году был в семи номинациях на премии «Золотая Маска», но на него зритель ходит с трудом. У нас есть спектакли фестивальные, которые можно «возить и показывать», но держать в репертуаре сложно, потому что мы бюджетный театр и у нас есть план, который «горит». Мы взяли за постановку «На кисельном берегу», в том числе, чтобы расслабить зрителя, дать ему посмеяться. Хотели создать что-то простое и народное.

Беседовала Анастасия Высоцкая

ТО ЧУВСТВО, КОГДА ТВОЙ ОРФЕЙ ЗА ТОБОЙ НЕ ПРИДЕТ

Когда любовь умерла, любые попытки воскресить ее априори воспринимаются как унижение. И, в общем-то, неважно, какие приемы и методы ты используешь, дабы реанимировать безвременно почившее чувство: готовность подмести весь мир, чтобы любимый никогда не дышал пылью, или съесть бычок, продемонстрировав – ты готова на все ради единственного, или обползти комнату на коленях, чтобы милый, наконец-то, простил тебе женские истерики, или попробовать предложить поэкспериментировать с холодным минетом. Увы, все это не сработает. Вот Варя (актриса Полина Кремлева) из мелодрамы, поставленной в Омском ЦСД режиссером Светланой Баженовой по пьесе Ирины Васьковской «Девушки в любви», на практике убедилась в тщетности подобных женских подвигов. Другой вопрос: осознала ли она эту тщетность?

Для Вари ее любимый Митя (актер Антон Булавков) – этакий романтический Орфей, который в яви, якобы, «уехал на Север», в девичьих же грезах – на время вернулся туда, где ему самое место – на Олимп... Где ж ему еще пребывать? Он же бог – единственно верный и заслуживающий поклонения! С этого Олимпа нарочито театрально вещает Орфей Варю о том, что чувства-то его прошли; льет на нее с высоты своего положения ту самую физиологическую жидкость, которая героиней, как в известной поговорке, «божьей росой» воспринимается. Даже залюбленный бог имеет полное право устать от бесконечных бабских стенаний и не спустаться за своей названной Эвридикой не то, что в ад, а даже на землю.

А у Вари, как и у любой девушки, есть свой памятный трофей, оставшийся от бывшего. И вовсе это не колечко, которое она обещала выбросить, если у них «все кончено», и даже не его нестираная рубашка, которая все еще пахнет им, нет. От Мити-Орфея осталась стоять в углу запыленная картонная лира – такая же бутафорская, как и ее владелец и его чувства.

Вариной соседке по коммуналке Кате (актриса Наталия Запивохина) повезло чуть больше: ее Коленька (актер Владимир Кин) здесь, рядом и не бог он вовсе, а простой мужик, которому ничего мужицкого, в плане прегрешений, не чуждо: любит он согреть холодными ночами и свою женщину, и Варю, и другую соседку по квартире – Люсю (актриса Зара Демидова).

Препарировать природу женской любви – занятие весьма интересное, хотя бы потому, что ни одна из женщин никогда до конца так и не поймет глубину, силу и необходимость некоторых своих привязанностей.

Все героини спектакля несчастны, потому что счастье, как пытаются сказать автор пьесы и режиссер постановки, вовсе не в том, чтобы постоянно пребывать в любви, вернее, в некоей зависимости от чувства. Потребность любить и ощущать себя любимой доводит до безумия: когда в режим «вкл» переведено женское сердце, автоматически в режим «выкл» переводится и женский мозг. А где ж оно тогда, это счастье?

Катерина Великая

БЕСЕДЫ С АКТРИСАМИ ЦСД-ОМСК О ЛЮБВИ И БЕЗУМСТВАХ

Зара Демидова (Люся): «Любовь бывает разная, в зависимости от возраста. Сейчас для меня любовь – это уважение, оберегание друг друга. А в 18 лет это чувство воспринималось по-другому, как попытка самоутвердиться: раз меня обожают и целуют ноги, значит я – самая лучшая, классная, клевая. Само собой, и в 40, и в 50 я поменяюсь, и восприятие любви будет совсем иное. Что касается безумных поступков ради любимого... Это унижение, и не важно готова ли ты окурков съесть, или вывести его на «чистую воду», читая его переписку «Вконтакте»... Вообще пытаться любым способом обратить на себя внимание человека, с которым ты уже рассталась, – не поступок. Я лично в свое время

На фото: сцена из спектакля «Девушки в любви»
(Фотограф: Роман Титов)

была готова убить – и это тоже унижение».

Наталья Запивохина (Катя): «В спектакле три ипостаси женской любви, через которые со временем проходят все женщины. Первое расставание никто никогда не воспринимает всерьез: начинают сходиться с ума и творить всякие безумные вещи. Ну кто их не творил?! Вот и Варя творит. Катя... едва ли найдется человек, которому никогда не изменяли. И речь сейчас не конкретно об измене в постели, а, к примеру, в 15 лет, когда твой парень пошел в кино с другой, ты воспринимаешь это как измену. Абсолютное смирение Люси объясняется тем, что в какой-то момент ей просто надоедает этот безумный поиск любви и она думает: «Да катись все!». Именно

тогда велика вероятность встретить того самого, единственного».

Полина Кремлева (Варя): «Сегодня я ощущаю себя Варей, такой период у меня в жизни. Но, в отличие от своей героини, я никогда не буду сидеть и рефлексировать. Но схожи мы с ней как раз в этих театральные зарисовках, а-ля выход в окно: я – drama queen, устраиваю все истерики только ради истерики и концерта. И что я только не вытворяла в свое время! У каждой женщины есть хотя бы одна такая безумная история. Вообще, мне сложно размышлять сейчас о любви, потому что как таковой любви у меня сегодня нет».

Беседовала Катерина Великая

НЕТИПИЧНЫЙ ТЕАТР

На «Коляда-Plays» в этом году нашлось место не только для спектаклей и кинопоказов, но и для целого вечера современной поэзии, точнее – «Нетипичной вечеринки с поэзией». Откуда взялся такой формат, почему на поэтическом вечере столько музыки и куда движется ЦСД – в обзоре с мероприятия и интервью с режиссером Антоном Бутаковым.

Много музыки, света, шума возбужденных зрителей и хорошей поэзии – на самом деле этого достаточно, чтобы описать то, что происходило в Центре Современной Драматургии. К сожалению, подобного уже не повторится – это была последняя вечеринка в таком формате, но взамен авторы пообещали какой-то новый проект. Прощание прошло с размахом: актеры танцевали, читая стихотворения уральских поэтов под

собственную музыку, позвали друзей-поэтов Наума Блика и Александра Вавилова. И если первый «снес» аудиторию силой своей поэзии, второй устроил из выступления мини-перформанс, забравшись на стремянку.

Рок-звезд Екатеринбурга сменили рок-звезды из Ижевска – актеры молодежного театра Les Partisans прочитали стихотворения удмуртских поэтов. А потом пошла «жара» – актеры ЦСД зафиналили концерт огненными каверами с необычными аранжировками.

В итоге получился полноценный рок-концерт с импровизированным танцполом, на котором вовсю отрывались зрители. Если не отрывались вместе с ними вы – то многое потеряли. Когда еще в театре удастся потанцевать?

Татьяна Черкасова

ИНТЕРВЬЮ С АНТОНОМ БУТАКОВЫМ

– Центр Современной Драматургии недавно переехал на новую площадку на Малышева, 145А, лит. Ф. Как у Вас тут дела?

– На самом деле у нас такое биполярное состояние: с одной стороны, нам тяжело в финансовом плане, не хватает денег на аппаратуру, на то, чтобы сделать нормальные фойе и буфет. Бывает, еле-еле денег на зарплату наскребаем. Но, с другой стороны, мы дико рады тому, что здесь происходит. Люди ходят, узнают о нашей площадке. Да, театр находится в промзоне, далеко, с заборами этими страшными, но здесь всегда круто, и самое главное, что приходят люди на детские спектакли. У нас всегда был хороший детский репертуар, и сначала мы боялись, что на новую площадку дети не пойдут, даже полтора месяца не ставили «сказки» в репертуар. Но сейчас

все хорошо. Мы вдохновились потоком людей, устроили «Каникулы в ЦСД», и – тьфу-тьфу – были полные залы.

Все меняется. Первые два месяца здесь я находился немного в коматозном состоянии, но сама жизнь начала давать подсказки и пинки, что и как делать. Вчера у меня вообще было озарение. Давно думал над одним проектом, и вот ночью многое решилось. Не буду пока говорить, в чем суть, подразню немного, чтобы не спугнуть. Мы растем, развиваемся. Бывает, конечно, что приходит пять человек на спектакль, но мы играем в любом случае. С финансовой точки зрения – провал, но это нормально. Главное – их эмоции. И спасибо таким зрителям за поддержку.

Самое крутое, что рядом нет жилых помещений. Мы можем всю ночь шуметь, работать, орать, и

никому не помешаем. Это полная свобода. Иногда времени физически не хватает, приходится искать двадцать пятый, двадцать шестой час в сутках, и возможность остаться работать в театре на ночь очень кстати. А еще тут столовая рядом, очень вкусная и недорогая! Так что, все отлично. У нас теперь есть свой дом, своя площадка. Думаю, к концу сезона мы обустроимся и очень сильно «выстрелим».

– Вы сейчас ищете какие-то новые форматы: концерты, поэтические вечера, выставки. Как Вы к этому пришли?

– Ну, вечеринка с поэзией – уже старый формат, который мы привезли еще из того здания. И сегодня, наверное, такая вечеринка была последней. Конечно, мы еще выступим на телевидении с ней, какие-то похожие вещи будут, но эта история закончилась.

Мы, как это сказать красиво, развиваем современное искусство, разбираем по кусочкам границы. У нас появляются резиденты, например, MINOGA dance company, которые сделали у нас уже перформанс и спектакль «Хидзиката». В конце ноября мы готовим проект «Children for children» с детской современной хореографией – такого вообще нигде никогда не было. Еще студенты-актеры четвертого курса ЕГТИ у нас поставят что-то, будет играть театр кукол «Пиноккио». Получается у нас уже не театр в привычном понимании, а площадка, на которую могут приходиться разные коллективы. Мы хотим смешивать аудитории, ну, и чтобы театр не пустовал, когда мы на гастролях. Мы хотим сделать центр притяжения современного искусства. Думаю, в Екатеринбурге на данный момент такого пространства нет. Вообще планов очень много.

По секрету скажу: мы с одним очень известным уличным художником оформим забор около театра, получится очень крутой арт-объект.

– Вы главный режиссер ЦСД...

– Режиссер – это профессия, а у меня в дипломе написано «Артист театра драмы и кино». Мне неловко и как-то стыдно, когда меня называют режиссером. Сейчас у нас два руководителя – я и Денис Тураханов, но у нас нет четкого разделения обязанностей. Хотя Денис больше по административной части, а я – по художественной. Все равно мы оба актеры, каждый из нас, вообще в театре делает все. Говорят: «Не суди по себе», но я буду. Когда я пришел в театр в 16 лет, я торговал книжками, был монтировщиком декораций, работал световиком, мыл полы. Сейчас я знаю все, что происходит в театре. К нам пришел новый артист, я его отправил поработать тоже монтировщиком декораций. Думаю, через это должен пройти каждый, кто хочет остаться в театре и быть не просто посредственным актером. Все должны сделать все, по крайней мере, уметь делать все. У нас даже на концерте, например, Максим Шкурин, занимающийся административной частью, играл на гитаре. Законы театра иначе не сформулировать. По-другому нельзя.

– Какие спектакли Вы планируете поставить?

– Мы восстановили две сказки, которые шли в «Коляда-Театре»: «Старик Хоттабыч» и «Русские сказки», прошла премьера по пьесе Маши Конторович «Мама, мне оторвало руку». Еще сейчас мы с Татьяной Савиной делаем спектакль «Зулейха открывает глаза» по книге Гузели Яхиной, Таня сама написала инсценировку. Лично я хочу сделать три больших постановки, которые будут связаны между собой, пусть они и написаны совершенно разными авторами. Тоже пока не хочу раскрывать карты. Но будет круто.

Пользуясь случаем, Центр Современной Драматургии поздравляет с днем рождения маму Дениса Тураханова. Мы ее очень любим и желаем всего самого хорошего!

Беседовала Татьяна Черкасова

Над номером работали:

редактор - М. Мясникова
зам. редактора - А. Трухина
секретариат - Е. Постных, Г. Вязников, Ю. Медведева
кураторы - В. Цвиткис, Е. Гецевич
студенты УрФУ и ЕАСИ

